ПАРТИСИПАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ ШЕЛДОНА ВОЛИНА В ПОСТРОЕНИИ «АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»

Судаков С. С.

кандидат политических наук, докторант кафедры политической теории, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия), 119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, sssudakov@mail.com

УДК 32(73)
ББК 66.2(7Сое)+66.1(7Сое)

Цель. В данной статье рассматривается онтологические основания формирования модели американской исключительности сквозь призму демократии участия Шелдона Волина.

Научная новизна и результаты. Демократия стала ключевым элементом в построение американской исключительности. Кроме этого именно демократия участия стала основным экспортным продуктом, которые позволил современной америке стать признанным мировым лидером. Какие же ценностные основания лежат во основе американского превосходства и как отличаются модели экспортной и внутренней демократии в современной Америке? Кроме этого, в данной статье достаточно внимания уделено предположению о взаимозависимости демократии участия и концепции американской исключительности.

Ключевые слова: прагматизм, онтология, превосходство, американское превосходство, идеология, теория, парадигма, симбиоз, онтология, эпистемология, международные отношения, демократия участия.

PARTICIPATIONAL MODEL OF DEMOCRACY BY SHELDON WOLIN IN BUILDING “THE AMERICAN EXCLUSIVENESS”

Sudakov S. S.

Candidate of Science (Politics), Candidate for a Doctor’s Degree of the Political Theory Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of foreign affairs in the Russian Federation (Russia), 76 Vernadskogo av., Moscow, Russia, 119454, Russia, sssudakov@mail.com

Purpose. In the given article the author considers ontological basics for development of the model of the American exclusiveness through the prism of democracy of Sheldon Wolin’s participation.

Scientific novelty and results. Democracy has become a key element in building the American exclusiveness. Besides, specifically democracy of participation has become the main exported product, which allowed modern America to become an outstanding world leader. What axiological basics found the American superiority and how differentiate models of exported and local democracy in modern America? Besides, the author pays enough attention to a hypothesis on relationship of democracy of participation and a concept of American exclusiveness.

Key words: pragmatism, ontology, superiority, American superiority, ideology, theory, paradigm, symbiosis, ontology, epistemology, international relations, democracy of participation.

Шелдон Волин один из ярчайших политических философов современной Америки. С1973 по 1987 год он преподавал в Принстонском университете, где имел статус почетного профессора, а ранее, в 1950-м году защитил докторскую диссертацию в Гарвардском Университете.

Расцвет карьеры Волина пришелся на середину шестидесятых годов, когда он опубликовал серию статей по политической философии, в которых он довольно не традиционным образом рассмотрел и достаточно индивидуалистично трактовал идеи Платона, Гоббса, Локка, Макиавелли и Руссо. В конце 80-х годов из под

© Судаков С. С., 2015

пера Шелдона Волина вышли весьма любопытные эссе на работы Августина Блаженного, Ричарда Хукера, Дэвида Юма, Мартина Лютера, Жана Кальвина, Макса Вебера, Фридриха Ницше, Карла Маркса, и конечно же Джон Дьюи. Шелдон Волин очень внимательно отнесся к идеи партисипационной демократии Джона Дью.

Волин стал ярым сторонником демократических идей Джона Дьюи, но рассматривал демократию не сколько как форму правления, а скорее как форму принятия политических решений в основе которой лежат идеи прагматизма.

Прежде всего, Волин отмечал, что все мы живем в мире стереотипов, нашедших отражение в массовом сознании. Одним из таких стереотипов стала идея партисипационной демократии как наиболее справедливой формы правления, на которой была построена идея американской исключительности.

Не секрет, что наше понимание исключительности трактуется в терминах власти, а скорее, в безоговорочной поддержке власти. Однако власть может рассчитывать на нашу поддержку, исключительно потому что мы привыкли к тому, как организована власть в обществе и слепо принимаем ее несправедливость. Мы полагаем, что сама организация власти отражает непоколебимую реальность человеческой натуры и жизни. Шелдон Волин напоминает, что «власть никогда не устанавливаются однажды и для всех: она является историческими проектами, разрабатываемыми годами и в требуемом месте» [7, с. 12].

Человек – изменчивое существо, чей характер не формируется законами природы, а скорее приобретается со временем в форме привычек под воздействием отношений с властью. Власть всегда накладывает ограничения на возможное и определяет кто мы. Следовательно, изменение нашей конституции изменит нас, именит наше положение в обществе.

Современная политическая конституция, говорит Волин, дает гражданам необходимое «антигражданское образование», т. к. она учит, что первой обязанностью является поддержание личного интереса группы, потому что политика есть ни что иное, как борьба за преимущество» [8, с. 20–21]. Такой тип политики вырабатывает убеждение, что жизнь – это игра, где есть победители и проигравшие. Подобное убеждение составляет идею гражданина, как того, для кого естественно объединяться в группу с другими гражданами для достижения совместных целей и заменяет ее идеей, что индивиды объединяются в группы, соответственно противоречащим интересам.

Создается впечатление, что система принимает разделительно-завоевательный характер, специально и последовательно формируя идею превосходства.

Данный факт заставляет нас верить, что каждый из нас определяется исключительно по групповой или профессиональной индивидуальности – бизнесмен, политик, водитель, феминист, офисный работник, фермер, учитель – это то, что отличает нас от других.

В результате, каждая группа борется за определенную долю ресурсов, работая только на свои интересы и не задумывается о возможности более обширной перспективы.

В дополнение к такому разделению, система, также учит нас идентифицировать наше личное благополучие с процветанием государственной власти, как внутри страны, так и интернационально. Мы можем отказаться от нашей собственной политической позиции, но многие из нас (не все) посчитают это стоящим после получения экономических и материальных результатов взамен.

Точно также действует США, постоянна проводя политику конвертации нематериальной собственности в материальную. Американский опыт особенно поучителен, т. к. никто лучше США не смог извлечь выгоду и добиться устойчивого государственного процветания из агрессивного империализма.

Наступательная политика США очень быстро дала результаты. Союзники США получили видимость безопасности и стабильности, а сама Америка смогла использовать страхи всего мира себе во благо. Однако идеология превосходства работает ровно до тех пор, пока США способны на длительной перспективе улучшать жизнь своих граждан и поддерживать миф хлебосольного большого брата для своих союзников. У США есть только интересы и это одна из основных свойств американской исключительности. Однако исключительность США работает ровно до тех пор, пока дела идут хорошо до тех пор, и Америка способна улучшать жизнь как своих собственных граждан, так и граждан стран своих союзников.

Однако несмотря на то, что каждый из нас осознает зависимость от коллективных и как правило навязанных ценностях, человеческая натура требует от нас жить согласно нашим предпочтениям. Современное государство приучило нас к коллективному стилю мышления, что означает, что всегда есть вероятность того, что новая организация индивидуальной власти расширит перспективы людей.

Шелдон Волин призывает постоянному к оспариванию существующих структур власти и постепенному изменению наших позиций, ментальных привычек и действий. Однако никакое непродолжительное действие не свергнет существующую структуру власти и не изменит мышление людей. Совершенно не правильно верить в то, что «…те же человеческие позиции по отношению к власти – пассивность большинства, контроль меньшинства – будет так же служить новому социальному порядку как и старому[2, с. 42]. При правильных условиях мы все можем стать новыми

существами – гражданами в истинном смысле этого слова.

В отличие от «члена группы», гражданин превосходит эту стадию личного интереса, и учась думать интегрально и ясно[3, с. 32].

Так, партисипационная модель демократия основана на том, что члены групп получают образование и преобразуют себя в граждан, которые мыслят себя за пределами узкого личного интереса, а думают об общих интересах. Последняя работа Волина по Алексису де Токвилю проливает свет на важность политического образования в современном мире. Касательно данного вопроса, Токвиль говорит о парадоксальной натуре демократии, о ее партисипационом характере «обеспечивающий солидарность», но ее «идея обладания каждым человеком власть учит тому, что каждый индивид является лучшем судьей своих интересов и нужд» [8, с. 26].

Согласно Волину, основная проблема современности состоит в том, что маятник научности качнулся слишком далеко в сторону индивидуалистической стороны, и «…люди попросту стали изолированы от других, от коллективной стороны, где люди чувствуют свою взаимосвязь с другими» [5, с. 82].

Токвиль говорил, что современность заставляет человека вести обособленную жизнь, удовлетворяющую личным интересам с превалирующим материализмом, и утверждает, что партисипационная демократия – лучшее средство для искоренения индивидуализма и социального отчуждения.

Индивидуальное участие может изменить привычки людей, научить их тому, что их собственные интересы совпадают с общественными и таким образом они обогатят собственную жизнь путем сотрудничества с другими[7, с. 74].

Волин считает, что граждане городского собрания, например Новой Англии, (штат Массачусетс) никогда не подвергнется полностью моральному преобразованию, в виду того, что преобразования затронут его частные интересы.

Волин полагал, что эта форма участия – несомненно, не идеальная модель демократии – но шаг в нужном направлении. Чистая демократия может существовать только в теории, но это не уменьшает ее ценности как модели. Кроме того, Афины пятого века показывают нам замечательный пример партисипационной политики.

В этом случае, демос не ограничивал себя вопросами местного управления или проявлением себя в обществе, восставая против существующей системы. В то же время афинский полис был вовлечен в большую политику, имея под контролем самые важные социальные учреждения и участвуя в самых важных вопросах, включая даже международную политику. В процессе он образовывал натурализовавшихся иностранцев и превращал их в граждан.

Порой кажется, что афинский демос преобразовался в некое существо, чьей сутью является гражданственность: полностью самостоятельные граждане, чье существование отражается на множестве учреждений, в жизни которых они принимают активное участие. Животное превратилось в мыслящего гражданина [7, с. 66].

Волин полагал, что «самопреобразование демоса в гражданское существо, из субъекта в гражданина» было подтверждено наблюдателями, которые были решительно против демократии. Несмотря на их агрессивность в отношении демократии, они раскрывали в своих работах, иногда неосознанно, преобразование демоса в «политически ориентированный класс» [7, с. 73].

Хотя политические теоретики были настроены лирически в отношении гражданского образования, необходимого для здоровья полиса, они настаивали на том, что за это должна быть ответственна элитная группа людей или даже Бог. Даже Жан-Жак Руссо, которого Волин считает псевдодемократом, не мог представить себе «самоформирующихся людей», и именно поэтому он говорит о «неожиданном спасении, Великом Законодателе, который преобразует человеческую натуру» [, с. 75].

Воли поддерживает идею того, что люди могут сами преобразовываться, участвуя в демократическом процессе. Демократия – это школа, где участники учатся мыслить и коллективно владеть властью. Как доказывает афинский опыт, граждане подвергаются глубокому преобразованию, когда они участвуют в демократической политике.

Совещательная политика была основным элементом того опыта, в котором демос преобразовал себя в политического деятеля. Совещательная политика являлась для демоса режимом политического развития, и рассматривала другие виды политики – бюрократичную, харизматичную, ли даже политику представленного правительства – как тормозящие это развитие. Партисипационная и эгалитарная политика служат политическому образованию демоса» [2, с. 24].

Сейчас, сознательные политические деятели, демос, научились мыслить выше собственного интереса, сопереживать своим товарищам и фокусироваться на долгосрочных последствиях своих действий. Граждане развивают модель мышления, ориентированную на категории, отличные от применяемых исключительно в личных делах.

Они направлены больше на будущее, чем на настоящее», которое требует «подавления спонтанных желаний, направленных на получение удовольствия» [2, с. 71].

Взаимодействуя с другими членами сообщества, демократический гражданин становится другим

человеком, ориентированным на будущее и самоотверженным.

Хотелось бы знать, почему демократия так преобразует людей? Волин считал, что нарушения являются основным фактором в этом преобразовании.

Так как они нарушают установленные нормы и границы в борьбе за власть. Подобный процесс происходит и на международной арене, где участники коалиций открывают для себя все новые и новые возможности не только для распределения власти, но и для более глубокого самопонимания.

Демократия основывается на мнении, что доступная власть, используемая с учетом опыта, необходима для развития способностей обычных людей. Чтобы доказать это, Волин приводит в пример Афины 5 века. Игнорируя «нормы природы, чтобы установить собственные стандарты», афинский демос стал новой «политической субстанцией, преуспевшей в развитии своей политической культуры» [9, с. 76].

Эффект демократии на своих участников может быть настолько сильным, что Платон, афинский гражданин, верил, что это будет «вторжением духа, завоевывающего душу всех граждан» [9, с. 78].

Демократическая психология Волина не основывается только лишь на примерах района новой Англии и Афин 5 века. Он также основывается на собственном опыте. Будучи профессором в Беркли в 1960, Волин участвовал в движении за свободу слова, этот опыт навсегда изменил его и многих его коллег. «Сила этого опыта …изменила всех его участников. Для многих из нас это было перенесением из неполитического в глубоко политическое существование, из защищенного статуса с ограничениями в условия, которые были рискованны и незнакомы» [5, с. 36].

Сопротивляясь суровым законам, касающимся свободы слова, Волин узнал другой вид существования, наполненный риском и многообразием, но обогащенный глубоким политическим участием. Этот опыт научил его тому, что чтобы быть настоящим человеком, нужно совместно бороться за политические нормы и формы.

Кажется, что теории Волина не хватает твердой демократической теологии, веры в то, что люди, если им дать возможность, выйдут из пассивного состояния и начнут бороться за лучший мир. Хотя Волин заявляет, что настоящая перемена требует значительной политической деятельности, он сомневается в том, что это произойдет.

Случаи проявления реальной демократии, по мнению Волина, «эпизодичны и редки», в то время как политика обычно «продолжительна безостановочна и бесконечна». По его мнению, политическое стало специализировано, упорядочено и административно по характеру и качеству. Институционализация подчеркивает истощение демократии: начинают появляться лидеры, развиваться иерархии; порядок и методичность заменяют более спонтанные политические методы: в ретроспективе, последние кажутся неорганизованными, неэффективными.

Таким образом, кажется, что демократии суждено быть моментом, а не формой.

Современное государство так эффективно ограничило возможности политической деятельности, что демократия стала мимолетна и эпизодически проявляема в кризисных ситуациях. Говоря об «американском превосходстве», он ставит его в прямую зависимость от того, на сколько велика надежда на правильном понимании того, что люди могут быть вовлечены в серьезную политическую деятельность в современном государственном аппарате.

Однако чем больше людей, стран пытаются проникнуть и понять модели мирового господства США, тем меньше становятся шансы на развитие реальной демократии. Волин полагал, что идея демократического государства противоречива по определению. Именно появление такого государства как США лишило всех нас возможности демократического действия, заменив его понятием экспортной демократией.

Волин полагал, что только на уровне простых людей возможно распространение мифа об американской демократии, как об инструменте свободы. На самом же деле современная демократия это основной «экспортный продукт» позволяющей Америке ограничивать и регулировать политическую активность во всем мире. Благодаря мастерскому использованию демократических практик, США обеспечили себе место мирового лидера, а путем привлечения все новых и новых служителей «культа» демократии Америка стала сильна как никогда ранее.

Проблема «американской исключительности» в том, что она не может быть одновременно и местной и национальной по характеру. Волин видит здесь головоломку, но он также понимает, что местные демократические движения могут быть «…абсолютно фанатичными, провинциальными, близорукими и анти-интеллектуальными» [5, с. 81], что их «исключительный интерес к изнанке политики» может только усилить «историческое наследие несправедливости и неправильности» [5, с. 81], за которое несет ответственность современное государство.

Текущие проблемы, преследующие общество сегодня, являются общими по природе» и требуют обширной реакции, обширного демократического движения, которое искореняет источники всего, что неправильно.

К сожалению, Волин не объясняет, как именно это должно произойти, и оставляет эту проблему будущим мыслителям, которые предложат модели поведения и мышления за пределами нашего кругозора.

Литература:

1. Bilakovics Steven. Democracy without politics. Cambridge. Harvard University Press. 2012.
2. Botwinick Aryeh; Connolly William. Democracy and vision: Sheldon Wolin and the vicissitudes of the political. Princeton. Princeton University Press. 2001.
3. Richter William. Approaches to political thought. Lanham. Rowman & Littlefield Publishers. 2009.
4. Wolin Sheldon. Democracy incorporated : managed democracy and the specter of inverted totalitarianism. Princeton. Princeton University Press. 2008.
5. Wolin Sheldon. The People's Two Bodies. Democracy № 1 (1981).
6. Wolin Sheldon. The Presence of the Past: Essays on the State and the Constitution. Baltimore. Johns Hopkins University Press. 1989.
7. Wolin Sheldon. Transgression, Equality, and Voice. Democracies, Ancient and Modern. Edited by Josiah Ober and Charles Hedrick. Princeton. NJ. Princeton University Press. 1996.
8. Wolin Sheldon. What Revolutionary Action Means Today. Democracy №2 (1982)
9. Xenos Nicholas. Momentary Democracy. In Botwinick and Connolly eds. Democracy and Vision. Princeton. Princeton University Press. 2001.

References:

1. Bilakovics Steven. Democracy without politics. Cambridge. Harvard University Press. 2012.
2. Botwinick Aryeh; Connolly William. Democracy and vision: Sheldon Wolin and the vicissitudes of the political. Princeton. Princeton University Press. 2001.
3. Richter William. Approaches to political thought. Lanham. Rowman & Littlefield Publishers. 2009.
4. Wolin Sheldon. Democracy incorporated : managed democracy and the specter of inverted totalitarianism. Princeton. Princeton University Press. 2008.
5. Wolin Sheldon. The People's Two Bodies. Democracy № 1 (1981).
6. Wolin Sheldon. The Presence of the Past: Essays on the State and the Constitution. Baltimore. Johns Hopkins University Press. 1989.
7. Wolin Sheldon. Transgression, Equality, and Voice. Democracies, Ancient and Modern. Edited by Josiah Ober and Charles Hedrick. Princeton. NJ. Princeton University Press. 1996.
8. Wolin Sheldon. What Revolutionary Action Means Today. Democracy №2 (1982)
9. Xenos Nicholas. Momentary Democracy. In Botwinick and Connolly eds. Democracy and Vision. Princeton. Princeton University Press. 2001.